

общности природы, и обе в своем развитии открыты для общности Бога, оставаясь, в свою очередь, открытыми для творения. Наблюдается единство природы и человека как сотворенное Богом, поэтому они равны между собой и друг перед другом, открывают человеку простор в возможности познания, позволяя как соучастникам принимать участие в процессах и цепочках события. Этим самым создаются предпосылки для теологического диалога с экологической картиной природы.

Список использованных источников

1. Альтнер, Г. Биоэтика / Г. Альтнер; пер. с нем. Е. И. Зинина – СПб., 2008. – 345 с.
2. Бергман, С. Дух, освобождающий природу / С. Бергман – Архангельск, 1999.
3. Беркли, Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Беркли Дж. Сочинения / Дж. Беркли; пер. с англ. Е. Ф. Дебольской – М., 1978.
4. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. Г. Г. Шпета – М., 2000.
5. Мольман, Ю. Человек / Ю. Мольман – М., 2013.
6. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека. / П. Тейяр де Шарден; пер. с фр. Н.А. Садовского. – М., 1987.
7. Уайтхед, А.Н. Наука и современный мир: пер. с англ. / А. Н. Уайтхед // Избранные работы по философии. – М., 1990.
8. Уайтхед, А.Н. Приключение идей: пер. с англ. / А. Н. Уайтхед // Избранные работы по философии. – М., 1990.
9. Швейцер, А. Культура и этика: пер. с нем. / А Швейцер // Благоговение перед жизнью. – М., 1992.

*М. П. Беляев, доцент
Российский университет кооперации*

ТОРУНЬСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ КОЛЛОКВИУМ 1645 г.

В Речи Посполитой в отличие от остальных стран Европы, вступивших в середине XVI в. в эпоху конфессионализации, с 1573 г. существовал рах *dissentium* (мир для диссидентов - протестантов). На конституционном уровне гражданские права были гарантированы основным христианским конфессиям: лютеранам, кальвинистам (реформатам) и католикам. Отныне каждый новый польский король после своего избрания обязан был приносить присягу соблюдать эти и другие права. Однако в начале XVII в. страна стала более разделенной, поскольку католическое большинство все более и более стремилось возратить всю Польшу в лоно старой церкви. Ставший в 1632 г. королем Владислав IV пользовался репутацией толерантного князя. Ожидалось, что он вернется к традиционной польской политике религиозной терпимости и мира. Но под давлением своего ближайшего окружения, в которое входили ревностные католики Петр Гембицкий, Ежи Оссолинский, Альбрехт Радзивилл и королева Сесилия Рената, Владислав принял меры, полностью противоречащие прежней линии: были закрыты арианская школа в Ракове, церковь в Вильнюсе и предприняты другие шаги. При тогдашней расстановке сил в Речи Посполитой король не сумел бы кардинально повлиять на изменение положения диссидентов. На политику

Владислава IV по отношению к диссидентам в 1636–1643 гг. значительное влияние оказал союз с Габсбургами, который стал более тесным после заключения брака с сестрой императора Фердинанда III. При принятии решений по конфессиональным и политическим вопросам королю надо было прислушиваться к мнению польского епископата. Разрешая конфликты между католиками и диссидентами, Владислав IV проявлял больше благосклонности к первым. Он понимал, что такие шаги не обеспечат ему симпатию шведов и всех протестантов [1, с. 124–125; 2, s. 343–344; 4, s. 349; 7, p. 401; 11, s. 386].

Победы антигабсбургской коалиции в Тридцатилетней войне привели к изменению его отношения к диссидентам. Польский король видел себя посредником на Вестфальских мирных переговорах. Новые планы заставляли Владислава IV предпринять усилия, чтобы снискать доверие протестантов. Это могла служить инициатива польско-шведских переговоров с целью заключения постоянного мирного договора, а также изменение конфессиональной политики. Поэтому идея межконфессионального диалога находила общее одобрение религиозных партий Речи Посполитой и Священной Римской империи. Данная встреча получила название Торуньского религиозного диспута или коллоквиума (лат. *Colloquium charitativum* – братская беседа). Ее целью согласно королевской инструкции являлось достижение «согласия и единство религии и... церковного мира, опуская все другие намерения», что предлагалось сделать через «свободный и дружественный конгресс». Король предоставлял способ ведения переговоров их участникам и своему легату. Партии должны разьяснять отдельное спорное учение «простыми, открытыми словами», после чего противоположная сторона может ставить вопросы для прояснения, что она действительно думает. Партии воздерживаются от обыкновенных «пагубных диспутиаций». Протестанты же настаивали на определении первоначального канона Священного Писания на библейских языках оригинала. Король надеялся в итоге на эффективность «братской беседы», если она будет проведена правильно. Документы в части изложения вероучения, подавались в письменном виде через легата. Они не должны были содержать того, что могло бы оскорбить противоположную сторону. Переговоры завершались по единогласному решению партий [1, с. 124–125; 8, s. 65; 10, s. 311–313, 318].

Однако не все вероисповедания могли участвовать в коллоквиуме. Жмудский епископ Ежи Тышкевич заявил о нежелательности присутствия на диспуте ариан. Лютеране Данцига вообще поставили в качестве условия своего участия в переговорах исключение их от ариан. Поэтому на заседаниях коллоквиума представители этого течения находились в качестве наблюдателей. Для протестантского дела главным вопросом было то, смогут ли два родственные вероисповедания, лютеране и кальвинисты, стать дружественными друг другу. Они были объединены Сандомирским соглашением 1570 г. На польском сейме лютеранин Стефан Бояновский предложил обновить его и просил кенигсбергских оберратов (старших чиновников) содействовать этому, направив теологов из Пруссии на встречу с диссидентами. Ситуацию портит Данцигский магистрат, который жестко следовал линии Виттенбергского университета, направленной против сотрудничества лютеран и кальвинистов. Эта позиция была поддержана заявлениями Кени-

гсбергского университета и данцигского городского духовенства. Перед открытием коллоквиума они установили тесные связи с оберратами в Кенигсберге, герцогом Курляндии, лидером польских лютеран Гюльденштерном и другими. Представители прусских гмин, особенно из Данцига, также старались убедить своих приверженцев в невозможности каких-либо уступок кальвинистам. На предложение литовского князя Януша Радзивилла об объединении с кальвинистами был дан недоброжелательный ответ [1, с. 128–129, 132–133; 4, s. 485; 9, s. 15].

Неуступчивую позицию по отношению к католикам заставили занять своим делегациям чешские братья и реформаты, особенно литовские. Они также не хотели идти на какие-либо организационные уступки и уступки по доктрине веры. Виленский синод запретил делегатам под угрозой исключения из конфессионального сообщества проводить с католиками даже частные «совещания и переговоры». Такая позиция польских кальвинистов не сулила никаких надежд на успешные результаты коллоквиума. Все знали, что на какое-либо отступление католиков от обязывающей доктрины Римской церкви рассчитывать не приходится. Они открыто писали, что целью переговоров может быть только беседа с диссидентами. Таким образом, большинство будущих участников коллоквиума еще до его начала не сомневалось, что встреча потерпит фиаско. Тем не менее каждая из сторон организовала молебны (а католики и пост) о благополучном исходе переговоров. Назначенные теологи проводили совещания, где старательно и в мельчайших подробностях вырабатывали исповедания веры, тексты документов и тактику. Король же готовил техническую сторону заседаний. Он обязал городской совет Торуня гарантировать безопасность и хорошие условия участникам диспута. Владислав IV приказал опубликовать молитвы, какие должны были быть произнесены во время общих заседаний, положения, по которым должны были проходить переговоры, а также объявления о начале коллоквиума [1, с. 133–134].

Диспут начался 28 августа 1645 г. в большом зале городской ратуши в Торуня. Предполагаемая его продолжительность должна была составить восемь недель. Первое заседание открылось святой мессой. После приветствия королевского легата, канцлера Оссолинского его секретарь зачитал королевскую инструкцию, определяющую задачи, основы и способ проведения заседаний. Выступления глав делегаций закончили приветственные торжества. До 7 сентября обсуждались процедурные вопросы, в частности, составление протоколов заседаний. Католики и кальвинисты обвиняли лютеран в умышленном затягивании заседаний. После бурных споров делегаты решили, что кроме протокола, составляемого секретарем королевского легата, каждая из сторон сделает отдельные протоколы и выписки. Они могли быть распространены только после опубликования официальной версии. Это должно было произойти не позже, чем через полтора года после окончания коллоквиума. Представитель лютеран Хюльсеманн требовал для себя такого же титула, как у католического прелата, и чтобы в протоколах лютеране всегда ставились перед кальвинистами. Решили, что в протоколе первого заседания последовательность должна остаться такой, какой она была. Иначе она должна соблюдаться при выступлении ораторов [1, с. 134–135; 2, s. 347; 3, s. 85; 4, s. 511, 544].

7 сентября участники переговоров должны были оглашать основные принципы вероучения отдельных конфессий. Начали с католической делегации. Под руководством иезуита Шенхофа католики представили свою конфессиональную позицию, которая в значительной степени следовала декретам Тридентского собора. В этот же день свой документ вручили партнерам и кальвинисты. Это была так называемая Торуньская декларация, составленная под руководством придворного проповедника бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма И. Бергиуса. Однако католики отказывались ее принимать под предлогом, что документ содержал атаки против католической церкви. Епископ Жмудский заявил, что эта Декларация не совместима с королевскими указаниями. Кальвинисты не видели в ней ничего оскорбительного и ничего противоречащего инструкции. Оссолинский не согласился с ними и от имени короля запретил включать Декларацию в число официальных документов коллоквиума. Глава кальвинистской делегации хелмский каштелян З. Горайский обратился к канцлеру с заявлением, что в Декларации излагаются принципы вероучения. Она не нацелена на оскорбление католиков, а лишь подчеркивает отличие кальвинистов от других конфессий. Канцлер, однако, рассматривал все собрание с точки зрения соответствия намерениям короля и отвергал позицию остальных сторон. Оссолинский предлагал исключить сравнения католической церкви с Тиранией и Церковью Антихриста. Заседание закончилось безрезультатно. Горайский написал жалобу королю. Владислав IV выразил недовольство своим канцлером. Вскоре Оссолинский покинул коллоквиум [1, с. 135; 6, р. 402; 11, с. 387; 5, с.171–172].

С католической стороны рекомендовали «возможно более краткое» изложение вероучения, чтобы протестантские партии давали только общее представление, причем разногласия должны были выставляться между ними. Исследование истинности положений вероучения должно было осуществляться на втором этапе. Поэтому все переговоры католической партии проходили с обоими протестантскими партнерами отдельно. Кальвинистам не удавалось до самого конца включить свое изложение вероучения в протокол из-за возражения католиков, несмотря на внесение изменений в документ. Такая политика католической стороны была связана с разными истолкованиями королевской инструкции. Протестанты хотели ее видеть только рекомендацией. Глава католической партии Тышкевич выдвигал удивительный довод, что только с внесением в протокол могло возникнуть соответствующее вероисповедание, и изложение вероучения не могло допускать никаких оценок. При этом речь шла о подтверждаемом королем официальном протоколе переговоров [10, с. 316–317].

Католики были еще более критичны по отношению к лютеранскому заявлению и даже не разрешали его публичное представление. Лютеране требовали постоянного уточнения католических основ веры, сформулированных очень обще. Зато кальвинисты перестали указывать, какие истины считают общими, а какие отличают их от католиков. В связи с требованиями лютеран основой для дальнейших дискуссий должны были стать отдельные положения вероучений. Прошедшие недели показали, как мало коллоквиум походил на «ласковую беседу». Шенхоф обрушился на диссидентов, обвинив их в несоблюдении установленного порядка и оскорблении католиче-

ской веры, которая в Речи Посполитой является «Матерью, Госпожой и Наследницей». Он указывал, что именно диссиденты несут ответственность за отсутствие каких-либо результатов на коллоквиуме. Это заявление привело к еще большим склокам и взаимным обвинениям. Новый королевский легат Ян Лещинский, не обладая достаточным авторитетом и опасаясь ответственности, 5 октября отложил переговоры до разъяснения королем спорных вопросов и уточнения неясных положений. Заседания возобновились 10 октября. Привезенный Шенхофом королевский рескрипт, кроме призыва перенести заседания в малый зал, не содержал конкретных решений. Владислав требовал только рассматривать вопросы различия и общности догматов и доктрины отдельных конфессий [1, с. 135, 137; 4, s. 519; 7, s. 402].

В этой ситуации королевский легат, уже обнаруживший пристрастность, в любую минуту мог прекратить переговоры, обвинив диссидентов в их срыве. Если бы они, стараясь убедить в своей правоте, составили собственный отчет с заседаний, то их обвинили бы в нарушении договоренности по вопросу публикации материалов коллоквиума. Поэтому представители диссидентов лютеранин Зигмунт Гюльденштерн и кальвинист Адам Рей отправились к королю, чтобы потребовать изменения его решений. В Нове-Място, местечке к востоку от Плоцка, они встретились с королем, который возвращался с охоты домой. Владислав IV был приветлив с Гюльденштерном и предоставил ему личную аудиенцию. Лютеранский лидер передал мемориал, который король тотчас же прочитал. На следующий день на переговоры прибыли два католических теолога Цависса и Потриковский, а вечером еще и Шенхоф. Гюльденштерн передал королю оба изложения евангелических учений для чтения. Владислав IV остался удовлетворен содержанием представленного лютеранского вероучения. В приемной Гюльденштерн столкнулся с Реем, Шёнхофом и Оссолинским иезуит высказал недовольство переданным мемориалом. Рей поддержал своего лютеранского товарища, заявив, что у кальвинистов те же претензии. В итоге Владислав не изменил ни одного из своих решений, зато приказал, чтобы диссиденты убрали из своих журналов формулировки, которые оскорбляют католиков, и во время заседаний соблюдали инструкцию [1, с.137–138; 4, s. 538–539].

Переговоры возобновились 24 октября после возвращения представителей диссидентов. Королевский легат и католики добивались подчинения протестантских делегаций распоряжениям монарха, выдвинутым 10 и 11 октября. Зато протестанты требовали, чтобы сначала внесли в официальный протокол положения их вероучений. Столкнувшись с непримиримостью католиков, Бергиус и другие реформатские богословы стремились тянуться ближе к лютеранам. Но, за исключением Каликста, последние не шли на контакт. Георг Каликст был направлен Фридрихом Вильгельмом, поскольку профессор Квисторп из Ростка, которому ранее делалось такое предложение, отказался. Каликст даже просил курфюрста освободить его от должности, так как переговоры в Торуни безнадежны. Лютеране во главе с Хюльсеманном из Виттенберга и Каловым из Данцига, казалось, прежде всего были заинтересованы подчеркивать различия их учения от кальвинизма, насколько это возможно. Они даже отказались признать Каликста

лютеранином. Когда Бергиус именовал себя последователем аугсбургского исповедания, лютеранские делегаты свистели, постоянно прерывали его, спрашивая, почему же тогда он сидит с реформатской делегацией? Бергиус возражал, что ни он, ни Фридрих Вильгельм не позволяет никому отделять их от аугсбургского исповедания. Он никогда не отклонялся от него, но предпочитает остаться частью реформатской церкви [1, с.138; 4, s. 519; 7, p. 402–403;].

Ортодоксальные лютеране обычно назывались гнесиолютеранами. Это относилось к сторонникам исключительно «неизменного» аугсбургского вероисповедания 1530 г. «Изменная» Меланктоном формулировка 1540 г. была сориентирована на кальвинистов. Дословный текст в статье X «О Святом причастии» был модифицирован. Исходя из этого, курфюрст Фридрих Вильгельм стоял на том, что Бергиус также принадлежит к аугсбургскому вероисповеданию. Это и оспаривалось великопольским лютеранским делегатом Бояновским, когда он прерывал возражения Бергиуса католикам и максимально мешал ему выступить [10, s. 329].

Единства между кальвинистами и лютеранами достичь не удалось. Лютеранские проповедники «бушевали и бушевали». Особой нетерпимостью отличались Ботсак и Калов из Данцига. Инструкция курфюрста предписывала прусским лютеранам стоять вместе с кальвинистами во всех общих пунктах против католиков. Тем не менее эта благоразумная инструкция вызвала сильное негодование данцигских теологов. Они объявили о своей готовности признать трех кенигсбергских профессоров лютеранами 17 октября, только после того, как те торжественно отказались от выполнения инструкции курфюрста. Также данцигские теологи вопреки категорической позиции своего городского совета отказывали в ведущем положении среди лютеран кенигсбергских профессоров, так что они должны были подписывать заявление об основах вероисповедания последними в лютеранской делегации. В основном протестанты спорили между собой. Только лютеране Торуня и Эльбинга не хотели осуждать кальвинистов. Иногда кое-что высказывалось и против католической религии. 3 и 4 ноября католики упрашивали своих противников, чтобы они дали ответ на предложения Шенхофа. Лютеране пытались во время этих встреч предложить свои формулировки, но это наталкивалось на жесткое сопротивление католической партии [4, s. 544, 549; 6, s. 155–156; 9, s. 15–16].

Споры, взаимные обвинения в умышленном затягивании переговоров и возложение вины друг на друга за отсутствие результата продолжались до отъезда Лещинского 10 ноября. В течение недельного перерыва все стороны предпринимали попытки налаживания двусторонних контактов. Лютеране предложили кальвинистам антикатолический союз на период проведения коллоквиума. Но после того, как они узнали, что реформаты ведут диалог с католиками, отношения между диссидентами значительно ухудшились. Лютеране также предприняли переговоры с католиками. Эти попытки из-за неуступчивости сторон не имели никаких результатов [1, с. 138].

21 ноября 1645 г. коллоквиум был распущен. Межконфессиональная встреча закончилась безрезультатно.

Список использованных источников

1. Григорьев, Д. В. Религиозная толерантность во внутренней политике Владислава IV / Д. В. Григорьев. – Уфа, 2006.
2. Czapliński, W. Władysław IV i jego czasy / W. Czapliński. – Warszawa, 1972.
3. Gmiterek, H. Oboz różnowierczy w Polsce wobec idei colloquium charitativum za Władysława IV / H. Gmiterek // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. – 1980/1981. – Sectio F. V. – N 35/36.
4. Jacobi, F. Das liebeiche Religionsgespräch zu Thorn 1645 / F. Jacobi // Zeitschrift für Kirchengeschichte. – 1895. – № 15.
5. Kubala, L. Jerzy Ossoliński / L. Kubala. – Warszawa, 1924. – S. 171–172.
6. Landwehr, H. Die Kirchenpolitik Friedrich Wilhelms, des grossen Kurfürsten / H. Landwehr. – Berlin, 1894.
7. Nischan, B. John Bergius: Irenicism and the Beginning of Official Religious Toleration in Brandenburg-Prussia / B. Nischan // Church History. – 1982. – № 4.
8. Orlich, L. Friedrich Wilhelm, der Große Kurfürst / L. Orlich. – Berlin, 1836.
9. Rhode, G. Brandenburg-Preussen und die Protestanten in Polen, 1640–1740 / G. Rhode. – Leipzig, 1941.
10. Richter, M. Johann Amos Comenius und das Colloquium Charitativum von Thorn 1645: ein Beitrag zum Ökumenismus / M. Richter. – Siedlce, 2013.
11. Schwarze, R. Bergius, Johann / R. Schwarze // Allgemeine Deutsche Biographie. – Bd. 2. – Leipzig, 1875. – S. 386.

*Н. А. Гурченко, аспирант
Белорусский государственный университет*

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII в. В ТРУДАХ А. В. ЕФИМОВА (1896–1971)

Алексей Владимирович Ефимов по праву считается одним из основателей советской американистики. Его монография «К истории капитализма в США» (1934) [1] является первым серьезным трудом в советской историографии, где получили рассмотрение некоторые аспекты Американской революции XVIII в. «Алексей Владимирович был не только крупным ученым, но и великолепным педагогом, яркие лекции которого гремели по всей Москве» [2, с. 131]. В 1940 г. А. В. Ефимовым был создан популярный школьный учебник по новой истории [3], который затем много раз переиздавался и переводился на многие языки мира. Его «Очерки истории США» (1955, 1958) [4; 5] долгое время использовались в советских университетах в качестве учебного пособия. Все свои достижения по истории американского капитализма, двух американских революций историк обобщил в фундаментальном труде «США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха)» (1969) [6]. Учениками А. В. Ефимова являются такие известные американисты, как академики Г. А. Арбатов, Н. Н. Болховитинов, В. В. Журкин, член-корреспондент РАН А. А. Громыко и др.

Родился Алексей Владимирович в дворянской семье в г. Баку. В 1913 г. окончил гимназию в Тбилиси, в 1916 г. – Технологический институт в Петрограде, в 1916–1917 проходил службу в Морском ведомстве, где окончил